

*Всем детям, которые любят читать.
Вы самые лучшие!*

Глава 1

На третий день после отъезда родителей в дверь к Хэдли постучали.

Это было странно: как раз для таких случаев в их здании у парадного входа дежурил охранник. И к тому же в холле внизу имелись видеокамеры. Хэдли с родителями жили в апартаментах на самом последнем, третьем этаже Грэхэм-Плейс, и за все три года у них на пороге ни разу не появлялись визитёры без предварительного звонка охраны.

В дверь постучали ещё раз: на сей раз громче. Няня, старшеклассница Зоуи, даже не соизволила отвести взгляд от телефона.

— Ну что, откроешь? — буркнула она, заправив за ухо прядь волос и щёлкнув жвачкой.

Хэдли сползла с дивана и направилась к двери. Для своего возраста она не вышла ростом, и, чтобы дотянуться до глазка, девочке пришлось привстать на цыпочки. За дверью стояла какая-то старуха с глазами цвета шторного моря и так пронзительно щурилась, словно отлично видела Хэдли с той стороны. Девочка невольно отшатнулась.

— Кто там? — спросила она.

— Брайтоны здесь живут? — у старухи оказался неожиданно пронзительный голос.

Хэдли в замешательстве оглянулась на Зоуи, но та по-прежнему зависала в телефоне — не иначе строчила бойфренду про свою неземную любовь. Родители Хэдли отправились на десять дней в круиз, и Зоуи пообещала как следует присмотреть за их дочерью. По мере сил она старалась выполнить своё обещание — хотя и не была от этого в восторге. Хэдли слышала, как Зоуи жаловалась по телефону, что скучает без бойфренда, что её тошнит от этих апартаментов и что сама Хэдли, по её мнению, — избалованная маменькина дочка. От последнего

определения Хэдли чуть не разревелась. Она ужасно тосковала без родителей и старалась не попадаться Зоуи на глаза. И никакая она не маменькина дочка. Ничего подобного.

Хэдли не была маменькиной дочкой. Она была танцовщицей. Её ножки стали двигаться в такт музыке ещё до того, как она научилась ходить, и от ползания девочка сразу перешла к танцу. Пока её ровесники вперевалку осваивали первые шаги, Хэдли уже изящно скользила по полу. И как только она достаточно повзрослела, стала ежедневно по нескольку часов заниматься танцами с преподавателем. Самые близкие её подруги, София и Лили, тоже были танцовщицами: соперничество между ними не угасало, однако чужие успехи никого не обижали.

Танцы стали настолько постоянной частью её жизни, что в апартаментах для них отвели специальную комнату: пустое помещение с зеркалом во всю стену и балетным станком напротив. Именно эта студия и бесила Зоуи больше всего.

— У такой малявки целая комната только для танцев! — шипела она в телефон. — При-

кинь? Неплохо так для одного ребёнка? — И Зоуи ехидно передразнила: — Для нашей Хэдли ничего не жалко!

— Я всё слышу! — крикнула Хэдли из соседней комнаты.

Но Зоуи было плевать.

Когда мама и папа Хэдли выиграли билеты на морской круиз, было много споров из-за того, что им придётся поехать без дочери. Она подслушала, как родители перебирают все «за» и «против». Наконец они усадили девочку перед собой и обрисовали положение.

— Это займёт всего неделю, — сказал папа, — но если ты не хочешь, чтобы мы уезжали, всё можно отменить, — он обнял маму Хэдли за плечи.

Её мама была подтянутой элегантной женщиной с тонкой натурой и сейчас старалась ободряюще улыбаться дочери. Родители гордились её дарованием и не жалели никаких денег на преподавателей и костюмы.

У них даже сложился свой ритуал, выполняемый перед каждым выступлением Хэдли. Это папа настоял, чтобы все трое крепко прижимались друг к другу: он называл это семей-

ными объятиями Брайтонов. Смешная традиция, но девочка привыкла в неё верить. После объятий мама повторяла, что они гордятся ею, и говорила:

— Никто не ждёт от себя совершенства. Просто делай что можешь и верь в себя.

И Хэдли выходила на сцену без страха, уверенная, что родители с неизменной преданностью следят за нею из зала.

Они делали для неё так много, что ей совершенно не хотелось мешать их круизу. Однако Хэдли снедали сомнения.

— А с кем останусь я? — спросила она. Ей было достаточно лет, чтобы побыть одной дома какое-то время, но не провести так целую неделю. — И кто будет возить меня в танцевальную школу?

— Мы над этим подумаем, — пообещала мама. — Помнишь Зоуи со второго этажа? Её мама как раз жаловалась, что Зоуи не удалось найти подработку на лето. И она уверена, что Зоуи с удовольствием посидит с тобой. Будет весело, правда?

Хэдли искренне хотела, чтобы родители поехали отдохнуть, и сказала, что да, будет

весело. Однако на поверку вышло так, что Зоуи оказалась настоящим бедствием. Не успели родители Хэдли выйти за порог, как она подслушала, как Зоуи по телефону жаловалась подруге, что их семья скоро вынуждена будет съехать из апартаментов. Девушку бесила необходимость переезжать в другой город, особенно в выпускной год. Всю ярость она обрушила на своих родителей.

— Я им сказала, что с места не сдвинусь, — сказала она в трубку. — Пусть делают что хотят.

Хэдли наострила слух. А Зоуи чавкнула жвачкой и продолжала:

— Типа нам надо переезжать, потому что дом продают какому-то старикашке. А он даже арендную плату не повысил. Для них ничего не изменилось, и я не врубаюсь, зачем им переезжать.

Однако стоило Хэдли поинтересоваться у Зоуи продажей дома и предстоящим переездом (она всего лишь хотела быть вежливой!), как последовал грубый ответ:

— Не лезь не в своё дело.

Отчасти Хэдли это понимала. Она и сама не обрадовалась бы, если бы ей пришлось отсю-

да уехать. Все её подруги жили по соседству, и ей нравились эти апартаменты. Охранники у парадного входа вели себя очень приветливо и всегда были готовы помочь, соседи казались дружелюбными. Правда, и среди них Хэдли выделила нескольких любимчиков. Например, ей очень нравилось ласкать Честера, собаку миссис Кнапп, когда они встречались в холле. Мистер Мамблс никогда не жаловался на её танцы, хотя жил как раз под ними. А две пожилые дамы с первого этажа, мисс Кенни и мисс Гудман, всегда приносили цветы на её выступления. Действительно, почти все в этом здании были милыми людьми.

А кроме того, Грэхэм-Плейс был сам по себе красивым зданием. Старым, но не запущенным. Гости всегда восхищались высокими потолками, уникальными оконными рамами, лепниной на потолке и сверкающим паркетным полом. Снаружи здание тоже радовало глаз изящной отделкой и изысканной архитектурой. В спальне у Хэдли по верху стен шёл чудесный лепной карниз с медальоном из цветов и птиц. Когда-то он был расписан красками. Папа Хэдли однажды даже помог

девочке самой залезть на стремянку и потрогать крылышки гипсовых колибри.

— Просто чудо! — вырвалось у неё.

— Они неповторимы, — согласился папа. — Вряд ли где-то есть ещё что-то подобное. Такой медальон есть только в твоей комнате. Когда строили это здание, сюда специально пригласили мастера из Италии. Нам повезло жить в доме, полном очарования Старого Света.

Очарование Старого Света Хэдли не особенно волновало. Для неё Грэхэм-Плейс был просто домом.

Зоуи начала зудеть с первого же дня и к третьему дню сделалась совершенно невыносимой. Она без конца ныла, что из-за танцев Хэдли у неё звенит в ушах от музыки и топота (хотя, насколько Хэдли могла судить, никакого топота слышно не было). В конце концов няня выжила Хэдли в подвал, чтобы она занималась танцами внизу.

Хэдли спустилась на лифте, прихватив с собой в маленькой сумочке айпод и наушники. На первом этаже ей пришлось выйти из лифта, чтобы попасть в подвал через холл.

Честно говоря, в этом месте ей было не по себе. Тёмное, сырое, с булькающей где-то в бойлерной горячей водой. В узкие оконца, расположенные по одной стене, сочился слабый свет — ненамного ярче, чем давали пыльные голые лампочки. Она прошла мимо бойлера и печи для сжигания мусора. При виде широченной топки мусоросжигателя в памяти невольно ожила ведьма из сказки про Гензеля и Гретель. В этой вот печи действительно жгли когда-то мусор жильцы со всего дома, но она давно стояла холодная — теперь об отходах заботились городские службы.

Здесь же у арендаторов имелись свои отсеки, разделённые металлической сеткой, где каждая семья хранила пожитки. Кучи старой мебели. Дедушкины напольные часы. Коробки, коробки, коробки от пола до потолка. Чу-чело вороны на подставке, следившее за Хэд-ли, пока она проходила мимо. Девочке пришлось миновать весь длинный узкий коридор, пока она не оказалась перед пустым отсеком своей семьи (мама не любила держать вещи в подвале, в сырости и паутине). Наконец Хэдли смогла переобуться, включить музыку